

ВАДИМ МАРКОВИЧ РОЗИН

Ведущий научный сотрудник
Института философии РАН.

Доктор философских наук, профессор.

Постоянный автор журнала.

E-mail: rozinvm@gmail.com

УДК 168.522

КАКИМ ОБРАЗОМ И ОТ КОГО ПРОИЗОШЕЛ ЧЕЛОВЕК?

В статье обсуждаются основные гипотезы о происхождении человека. Найдя их неудовлетворительными, автор предлагает собственную концепцию, основанную на подходах и идеях методологии, семиотики, схемологии и учении о телесности. Он показывает, что человек — это новообразование, сложившееся при переходе человекообразных обезьян к парадоксальному поведению и образованию на основе сигнальной системы знаков и семиозиса, трансформации телесности под влиянием становления семиотических процессов. По мнению автора, собственно о человеке можно говорить только с появления первой культуры (архаической), причем ее особенности можно объяснить, опираясь на авторское учение о схемах.

Ключевые слова: человек, антропоид, семиозис, схемы.

Vadim M. Rozin

HOW AND FROM WHOM OCCURRED MAN?

The paper discusses the main hypotheses about the origin of man. Having found them unsatisfactory, the author offers his own concept based on the approaches and ideas methodology, semiotics, and the doctrine of corporeality. It shows that the man — a neoplasm, developed in the transition from anthropoid apes to the paradoxical behavior and education, based on the signaling system of signs and semiosis corporeality transformation under the influence of the formation of semiotic processes. According to the author, in fact the person may speak only with the appearance of the first culture (archaic), and its features can be explained based on the author's teaching of the schemes.

Keywords: man, anthropoid, semiosis, schemes.

Биологи, изучающие геном человека, на основе своих исследований делают выводы и о происхождении человека. Один из параграфов своей книги В. З. Тарантул назвал так: «Дарвин оказался прав!». «Существует несколько гипотез, — пишет В. З. Тарантул, — пытающихся объяснить феномен происхождения человека от обезьяноподобных предков. Одни исследователи считают, что расхождение в эволюции (дивергенция) двух ветвей — человека и шимпанзе — произошла за счет специфического изменения в регуляции генов. Другие склонны думать, что это есть результат мутаций, приводящих к потере функции некоторых генов, и в этом свете называют современного человека “дегенеративной обезьяной” Существует также мнение, что имеется особый “ген человека”, т. е. ген, который миллионы лет назад претерпел некую судьбоносную мутацию, благодаря чему наделил человека речью; этот ген следует искать на половых хромосомах... По независимым оценкам нескольких групп генетиков размер популяции, к которой принадлежала африканская “Ева”, составлял в то время (по подсчетам тех же генетиков — это примерно 200–150 тысяч лет назад — В. Р.) около 10–30 тыс. человек... Вновь полученные генетические данные весьма существенно расходятся с православной христианской версией, согласно которой это событие произошло в 5508 г. до н. э. (т. е. всего около 7500 лет назад), а Адам и Ева были тогда единственными людьми на земле» [Тарантул В. З. 2003: 290–293].

То есть исследования вроде бы подтвердили, что человек возник эволюционным путем 200–150 тысяч лет назад. Но каким образом, и почему речь идет о точном временном рубеже? Чтобы разобраться со всем этим, предложим реконструкцию происхождения человека [Розин В. М. 2004: 107–115].

Дарвиновская теория предполагает, что человек — это биологический вид, однако Чарльз Дарвин считал, что одним естественным отбором происхождение человека из обезьяны нельзя объяснить; помимо естественного отбора, считал он, необходимо привлечь теорию полового отбора (что хорошо согласуется с данными современной генной теории). Дарвиновская теория опирается на сравнительно-анатомические данные (сходство облика человека и обезьяны, атавизмы), изменчивость человека в пределах различных человеческих рас, факты эмбриологии, наконец, палеонтологические находки переходных форм от обезьяны к человеку (австралопитек, питекантроп, синантроп и т. д.). Самое уязвимое место этой теории — редукция человека к биологическому виду. Дарвиновская теория объясняет многое, но не может объяснить, как формировались сознание и разум человека, без которых «гомо сапиенс», т. е. человек разумный, не является человеком.

А. Н. Леонтьев в известной работе «Проблемы развития психики» писал следующее: «До сих пор еще широко распространено представление о филогенетическом развитии человека как непрерывно идущем процессе, управляемом действием законов биологической эволюции. Описания ископаемых людей, начиная с древнейших, создают на первый, поверхностный взгляд достаточно убедительную картину прогрессивных морфологических изменений, которые происходят вплоть до современного человека и будут продолжаться дальше, может быть даже с перспективой появления нового вида людей — неких *Nominum futurorum*. Такое представление связано с убеждением, что эволюция человека, подчиняющаяся биологическим законам, распространяется на все этапы его филогенетического развития, включая и этап его развития в условиях общества, оно предполагает, что и в этих условиях продолжается отбор и наследование биологических

особенностей, обеспечивающих дальнейшее приспособление человека к требованиям общества.

Современная передовая палеоантропология, однако, решительно противостоит этому представлению об антропогенезе, равно как и вытекающим из него грубо биологизаторским выводам.

Качественная грань, которая отделяет эти стадии от предшествующей подготовительной стадии, состоит в том, что у питекантропов возникает изготовление орудий и примитивная совместная деятельность с помощью орудий, т. е. формируются зачаточные формы труда и общества. А это меняет самый ход развития... возникает сфера исключительного действия совершенно новых, а именно социальных, общественно-исторических законов» [Леонтьев А. Н. 1972: 357–359].

Тем не менее Леонтьеву не удается убедительно показать, как возник человек. На самом деле непонятно, зачем гоминидным предкам нужно было изготавливать орудия, и как они могли это сделать, не обладая человеческим сознанием. Апелляция к совместному поведению человекообразных обезьян или эпизодическому использованию ими естественных орудий ничего не доказывает. «В течение долгого времени, — пишет Д. Мак-Фарленд, — способность использовать орудия считали признаком, который отличает человека от других животных. Теперь, когда об использовании животными орудий мы знаем гораздо больше, этот вопрос не представляется нам столь ясным» [Мак-Фарленд Д. 1988: 464]¹.

А вот еще более определенный вывод советского антрополога и психолога Б. Ф. Поршнева: «Что из того, если какое-то животное не только “изготавливает орудия”, но и “изготавливает орудия для изготовления орудий”? Мы не перешагнем на самом деле никакой грани, если мысленно будем возводить все то же самое в какую угодно степень... Весь этот технический подход к проблеме начала человеческой истории на самом деле подразумевает психологическую сторону дела» [Поршнев Б. Ф. 1974: 44].

С критикой Поршнева вполне можно согласиться, но и ему не удается убедительно показать, что переход к деятельности и изготовлению орудий связан с зарождением речи в процессах коммуникации; формирование речи, по Поршневу, было обусловлено суггестивными процессами, на основе которых строились взаимоотношения между гоминидными предками человека. Возможно, для 1960–1970-х годов размышления А. Леонтьева и Б. Поршнева были убедительны, подобно тому, как сегодня для многих биологов и антропологов убедительны идеи социобиологии или эволюционной эпистемологии.

В 1920-е годы интересное решение проблемы происхождения и природы человека наметили В. Н. Волошинов (из круга М. Бахтина) и Л. Выготский. Эти исследователи в начале XX века обратились к семиотике и культурологии. Идея состояла в том, что знак и культурные механизмы социализации индивида опосредуют связь психики с биологическим организмом и внешними для организма ситуациями (средой, деятельностью, другими особями). Но это была лишь идея, к

¹ Есть, в частности, прекрасный японский фильм о том, как обезьяна после долгих многочасовых усилий и своеобразных экспериментов открыла способ разбивать кокосовый орех камнем. Все это время остальная стая (живущая в горах около горячего источника) сидела вокруг и наблюдала. Спрашивается: камень в данном случае является орудием? Вряд ли. Он не только не означен в языке в этой новой роли, но и не осмыслен для коллектива обезьян. Последние просто запомнили действия «креативной особи», т. е. сложился новый условный рефлекс.

тому же в тот период культурология и семиотика только делали свои первые шаги. Попробуем реализовать эту идею, учитывая современные представления о знаках и культуре.

Вспомним, как развивается ребенок примерно до двух-трех лет. В чем состоит его развитие? Не в том ли, что он адаптируется к коммуникации с матерью и отцом, входит в эту коммуникацию, специализируется в ней? Ребенок учится фиксировать свой взгляд на Другом (его руках, лице, глазах, фигуре), учится соотносить произнесенное слово (сначала материнское, затем свое) с предметами и действиями, учится действовать согласованно (подчиняться взрослому, соединять свои усилия и действия с его усилиями и действиями). Именно в этом процессе адаптации-научения формируются значения слов и других знаков и складывается воображение ребенка, когда он может помыслить (представить) предмет, отвечающий слову и знаку. Постараемся и в филогенезе найти некие персонажи и процессы, аналогичные онтогенетическим «Коммуникации» и «Родителям».

Перенесемся мысленно в те доисторические эпохи, когда сообщества обезьян, которых мы называем человекообразными, попали в какие-то необычайные, экстремальные для выживания условия (например, им пришлось спуститься с деревьев, искать пищу на открытых пространствах, защищаться от хищных зверей, более широко, чем обычно, использовать палки и камни). Будем считать это первой предпосылкой происхождения человека (исследования показывают, что она была вызвана резким изменением климата). Вторая предпосылка — предположение, что в этих условиях выжили только те сообщества человекообразных обезьян, у которых была *сильная власть вожака и развитая сигнальная система*. Сигналы, которые используют животные (опасности, указание на пищу и др.), существенно отличаются от знаков. Если знак обозначает какой-то предмет (действие или ситуацию) и предполагает воображение (я говорю, например, «слон», и человек понимает, что это такое, хотя я не предъявляю ему реального слона), то сигнал ничего не обозначает, это *первая пусковая часть поведения* животного в определенной ситуации (например, в ситуации опасности вожак запускает действия определенным криком, который воспринимается остальной стаей тоже как ситуация опасности и начало поведения)².

Теперь основная гипотеза запуска процесса происхождения. *В указанной здесь экстремальной для жизни обезьян ситуации выживали лишь те сообщества, которые начали осуществлять «парадоксальное поведение».* Чтобы пояснить, что это такое, обратимся к рассказу Э. Сетон-Томпсона «Тито» о маленькой смелой самке койота.

За Тито гнались борзые. «Через минуту собаки должны были настичь ее и разорвать. Но вдруг Тито остановилась, повернулась и пошла навстречу собакам, приветливо помахивая хвостом. Борзые — особенные собаки. Они готовы догнать и растерзать всякого, кто бежит от них. Но тот, кто не убегает и спокойно глядит им в глаза, сразу перестает быть для них врагом. Так случилось и теперь. Разогнавшись, борзые промчались мимо Тито, но сейчас же вернулись смущенные.

² Почему вторая предпосылка именно такая, станет ясно из последующего изложения. В данном случае конструируется идеальный объект, приписывающий явлению определенные характеристики. Предпосылки — это всего лишь необходимые условия происхождения, а не его причины.

Борзые отказывались нападать на зверя, который вилял хвостом и не желал убежать» [Сетон-Томпсон Э. 1983: 271].

Если обобщить и перевести этот пример в теоретическую плоскость, то можно дать такое определение: поведение животного парадоксальное, когда оно ведет себя противоположно (или безразлично) реальной ситуации (например, опасность, а животное, напротив, идет навстречу хищнику). Б. Поршневу утверждает, что превращение человекообразных обезьян начинается с торможения привычных инстинктов и рефлексов; почему оно происходит, он объяснить не может. Предположительно, исходным здесь выступает парадоксальное поведение.

Представим себе теперь такую ситуацию. Сообщество человекообразных обезьян столкнулось с хищниками: тиграми, львами, пещерными медведями. Вожаком обезьян замечает, что бежать некуда: справа и слева отвесные скалы, позади буйволы. И вот он, подобно Тито, на миг как бы «помешался»: вместо того чтобы подать сигнал (крик) тревоги и бегства, издает прямо противоположный — «все спокойно». И что странно, хищники, пораженные необычным поведением стаи обезьян, ретируются, уходят в поисках более нормальной пищи. Разберем эту ситуацию.

Почему обезьяны стоят, как это возможно, ведь опасность налицо? Возможно в том случае, если сигнал «спокойствия» перестает быть сигналом, отсоединяется от своей родной ситуации. Кроме того, нужно, чтобы обезьяны сумели реально представить ситуацию опасности как спокойное событие, иначе они все равно побегут. Получается, что они должны сойти с ума: видя одно, воображать и видеть прямо противоположное, слыша одно, не верить своим ушам. Но ведь и мы такие же, например, в данный момент находимся в каком-то помещении, но реально проживаем совершенно другие события: путешествуем во времени, размышляем о происхождении человека и т. п.

В нормальном, обычном поведении сигналы являются частью (элементом) события. Сигнал тревоги вовсе не означает саму тревогу, это именно первая часть сложного поведения (события) животного. В парадоксальном же поведении в психике обезьян происходит столкновение двух событий: с одной стороны, они видят реальную опасность, с другой — вынуждены следовать сигналу вожака (ведь мы ввели гипотезу о том, что вожак имеет сильную власть над членами своей стаи), сообщаящему, что опасности нет. В подобных ситуациях парадоксального поведения, которые были в те времена массовыми, обычными, животное должно как бы «выйти из себя», представить привычное событие в форме другого, часто противоположного.

В результате сигнал перестает восприниматься как часть события, он соотносится теперь с новым поведением (ситуацией, предметом), сохраняя, однако, связь со старыми. Дистанция, напряженность между этими тремя элементами (сигналом, новой ситуацией и старыми ситуациями) в конце концов разрешается так, что появляется знак.

По механизму процесс формирования знака можно представить так. Должна возникнуть связь знаковой формы с определенным предметом (ситуацией): в данном случае сигнал «спокойно» вступает в связь с ситуацией опасности. Необходимость (и эффективность) такой связи выясняется задним числом. Важно, что эта связь не органическая (природная), а, так сказать, «социальная»: она обусловлена коммуникацией и волей субъектов (властью вожака). В психологическом

плане необходимое условие формирования связи между знаковой формой и предметом — активность субъекта, направленная на переопределение ситуации (так ситуацию опасности нужно было понять как спокойное, безопасное событие).

Сигнал теперь — не сигнал, а знак новой ситуации, он обозначает, выражает некоторое событие. И контекст у знака другой — не часть события, а коммуникация. Теперь члены сообщества напряженно следят, какой сигнал-знак издаст вожак, а вожак всякую новую парадоксальную ситуацию означает как некоторое событие. Начиная с этого периода сигнал-знак влечет за собой представление определенной ситуации, в которой назревает новое поведение. В коммуникации действительность удваивается: один раз она сообщается вожаком, издающим сигнал-знак, другой раз реализуется в конкретном означенном поведении.

Как же обезьяны сумели так удачно сойти с ума? Главным образом потому, что над ними довлела власть вожака, а также потому, что они соединили сигнал спокойствия с новой ситуацией, т. е. начали обозначать эту ситуацию, и наконец, потому, что им удалось ситуацию опасности представить как спокойное событие. То есть в ситуации парадоксального поведения на основе сигнала формируется знак. В отличие от сигнала знак не является пусковой частью ситуации, а именно обозначает ее. В отличие от сигнала, осмысленного в пространстве биологического поведения, знак начинает существовать в пространстве коммуникации, которая задается напряженным отношением между вожаком и остальными членами стаи.

Коммуникация конституируется не реальной ситуацией, в которой находится животное, а криком-знаком вожака, его властным воздействием, но также активностью, деятельностью членов коллектива, сумевших связать знак с определенной ситуацией за счет ее перепредставления. Одновременно вместе с формированием знака складываются первые социальные отношения и то, что можно назвать зародышами человеческой психики. Действительно, поведение обезьян, ориентирующихся на знаки и знаковую коммуникацию, — это фактически первые социальные отношения, а деятельность по перепредставлению на основе знаков одних ситуаций в другие — первые акты человеческой психики. На их основе рождается в дальнейшем воображение.

Интересно, что коллективные, совместные действия с «естественными орудиями» (камнями, палками, костями животных и т. д.) также способствуют парадоксальному поведению. Представим себе следующую вполне правдоподобную ситуацию, относящуюся к тому же времени. Стая человекообразных обезьян разбивает камнями какие-то плоды. Неожиданно из-за кустов выскакивает тигр. Хотя вожак успевает издать какой-то сигнал, обезьяны в панике. Их действия бессмысленны, видны мелькающие лапы с камнями, но именно поэтому в голову тигра случайно попадают несколько камней. От боли и неожиданности тигр пугается и исчезает. Позднее в подобной же ситуации по сигналу вожака обезьяны уже довольно дружно кидают в хищников камни и палки. Эффект подобных действий для членов «сообщества» был неожиданным и странным: вместо одного события получалось другое — удавалось добыть пищу, прогнать хищников, изменить в благоприятную сторону угрожающую ситуацию. Можно предположить, что сигналы, запускавшие подобные совместные действия, тоже становились знаками, однако не только нового поведения, но и связанных с ним орудий-предметов.

Именно так, вероятно, и формируются коммуникация, знаки естественного языка (слова), воображение и память, помогающие создавать знаки и означать с

их помощью различные ситуации и предметы. Чем чаще первобытные особи прибегали к парадоксальному поведению, тем больше сигналов превращалось в знаки и тем эффективнее становилось их поведение. В конце концов, процесс логически приходит к своему завершению: парадоксальное поведение становится основным (так сказать, нормальным), полностью вытесняя старые формы сигнального поведения. Ситуации, действия или предметы, почему-либо не получающие значения, не существуют теперь для сообщества вообще. Система знакового поведения все время усложняется: формирование знаков и употребление их порождает необходимость в следующих знаках, эти — в других и т. д.

А что происходит с обезьянами, вставшими на путь парадоксального и знакового поведения? Они вынуждены адаптироваться к новым условиям, меняться. Выживают лишь те особи, которые начинают ориентироваться не на сигналы и события, а на знаки, те особи, для которых «временное помешательство» на знаковой почве (т. е. воображение и представление) становятся нормой жизни, те, которые научаются работать со знаками (создавать их, понимать и т. д.). Именно адаптация к новым условиям резко меняет естественные процессы развития обезьян как биологического вида. Формируются новые типы движений конечностей, новые типы ощущений, новые действия и операции в психике. При этом можно предположить, что биологическая эволюция и становление вида *Homo sapiens* должны были идти как и у всех обитателей нашей планеты, т. е. под влиянием обычных факторов микроэволюции: естественного отбора, мутаций генов, их комбинации и т. п.

Ряд исследователей предполагает, что в доисторический период, когда складывался человек, мутационный процесс мог быть ускорен повышенным радиационным фоном или какими-либо другими причинами. Впрочем, по современным данным, примерно каждый десятый индивидуум и так является носителем новой спонтанной мутации. Что же касается сдвигов в изменчивости поведения и условий естественного отбора, то изменчивость была обусловлена переходом к знаковому поведению, а отбор — сложными условиями жизни существ переходной формы и тем же переходом к знаковому поведению. Итак, формирование в связи со знаковым поведением новых телесных единиц влекло за собой и соответствующую биологическую трансформацию. Последняя преобразовывала буквально все стороны жизнедеятельности организма, начиная от моторных действий и представлений, заканчивая половым поведением. Судя по всему, вожак, используя свою новую роль как организатора знакового поведения, навязывал особям женского пола половое общение не только в нормальном для такого общения биологическом периоде (течки), но и за его границами. Привыкшие действовать в реальной ситуации как воображаемой, особи женского пола идут на подобное нарушение, так сказать, в силу «системных соображений». Возникшая при этом биологическая патология поведения закрепляется на мутационной генетической основе (т. е. становится нормой), поскольку поддерживает общую тенденцию изменений организма в сторону семиотического поведения.

Таким образом, необходимость адаптироваться к коммуникации, работать со знаками и орудиями, действовать совместно трансформирует биологическую субстанцию обезьяны, создавая на ее основе существо переходной формы. Это уже не обезьяна, но еще и не человек, а особое меняющееся, адаптирующееся существо, претерпевающее метаморфоз.

Судя по палеонтологическим исследованиям, к концу четвертичного периода адаптация существ переходной формы заканчивается, т. е. их телесность (физиология, органы тела, внешний облик, действия органов чувств) теперь полностью отвечает коммуникации, требованиям совместной деятельности, знаковому поведению.

Формирование *Homo Sapiens*

Точнее было бы сказать, что первый человек был не человеком разумным, а «человеком культурным», т. е. «*Homo kulturel*». Завершение адаптации существа переходной формы расчистило почву для формирования культуры. Культура — это форма жизни, духа (ее можно назвать социальной), складывающаяся на субстрате жизни существ переходной формы, в которой главным является семиотический процесс (коммуникация, означение, формы знакового поведения). Особенность этого процесса в том, что он обеспечивает воспроизводство эффективных типов поведения, деятельности и жизни. Именно в архаической культуре появляются первые схемы (псевдосхемы, поскольку человек еще сознательно не строит схемы, и, соответственно, у него нет такого понятия). Если знаки являются первым источником видения человека и первых типов знаний (атрибутивных), например, «дерево», «человек», «ветер», «красный» и т. п., то схемы — второй источник.

Говоря о знаках, мы употребляем два ключевых слова — «обозначение» и «замещение», например, некоторое число как знак обозначает то-то (скажем, совокупность предметов), замещает такой-то предмет (эту совокупность) в плане количества. Знаки вводятся в ситуации, когда уже сформировалась некоторая объектная область, но по какой-либо причине человек не может действовать с объектами этой области (например, они разрушились, громоздки и проч.). Замещая эти объекты знаками и действуя с ними вместо того, чтобы действовать с соответствующими объектами, человек получает возможность достигнуть нужного ему результата; при этом частично перестраивается сама деятельность, и по-новому (сквозь призму означения) понимаются исходные объекты [Розин В. М. 2001]³.

У схемы другие ключевые слова — «описание», «средство» (средство организации деятельности и понимания), «образ предмета». Например, мы говорим, что схема метро описывает пересадки и маршруты движения, помогает понять, как человеку эффективно действовать в метрополитене; именно схема метрополитена задает для нас образ метро как целого. А вот как архаические люди понимали, что такое затмение.

«На языке тупи, — пишет Э. Тейлор, — солнечное затмение выражается словами: “ягуар съел солнце”. Полный смысл этой фразы до сих пор обнаруживается некоторыми племенами тем, что они стреляют горящими стрелами, чтобы отогнать свирепого зверя от его добычи. На северном материке некоторые дикари верили также в огромную пожирающую солнце собаку, а другие пускали стрелы в небо для защиты своих светил от воображаемых врагов, нападавших на них. Но рядом с этими преобладающими понятиями существуют еще и другие. Караибы,

³ Там же подробнее о различии знаков и схем.

например, представляли себе затмившуюся луну голодной, больной или умирающей... Гуроны считали луну больной и совершали свое обычное шаривари со стрельбой и воем собак для ее исцеления» [Тейлор Э. 1939: 228].

Этот пример показывает, что семиотическая схема в архаической культуре (и в значительной степени и в последующих) задает сразу три грани явления: языковое выражение (нужно было изобрести нарратив — «ягуар съел солнце» или «луна умирает»), понимание того, что происходит (диск солнца уменьшается, потому что его съедает ягуар), наконец, уяснение того, что надо делать (отгонять ягуара; а там и, глядишь, скоро затмение прекращается — ягуар отпускает солнце; т. е. архаический человек убеждался в эффективности своего понимания). Этот синкретизм трех основных образований — языка, коммуникации и деятельности — очевидно, выступает условием разрешения проблем, с которыми периодически сталкивались архаические племена (например, когда начиналось затмение, они испытывали ужас и не знали, что делать).

Культурное видение, конечно, феномен более сложный. Он задается многими схемами и знаниями. Отчасти они независимы, отчасти связаны между собой. Формирование культурного видения можно проиллюстрировать на примере той же архаической культуры. В этой культуре мы находим два основных типа схем, первые можно назвать «локальными», вторые — «фундаментальными». Примерами локальных схем являются архаические объяснения (осмысления) затмения, землетрясения и др. Локальные схемы помогают понять новое явление и эффективно (по меркам этой культуры) действовать. Как правило, локальные схемы изобретаются для данного конкретного случая и больше нигде не употребляются.

И локальные, и фундаментальные схемы формировались как культурные условия разрешения определенных проблем. В отличие от локальных схем, фундаментальные используются для осмысления большого круга природных и социальных явлений (в архаической культуре эти два класса явлений не различаются, более того, зачастую социальный субъект оказывается стихией, и наоборот). Исследования показывают, что в архаической культуре можно выделить два основных типа фундаментальных схем — «схемы души» и производные от них схемы (духов, реинкарнации — перехода душ от умерших к живущим, схема «охотник-жених» и ряд других) и «схемы архе» (тотемов, культурных героев и первопредков, схемы творения и другие)⁴.

Производные схемы, в свою очередь, получались двумя способами. Во-первых, за счет «привязки» исходной схемы души к новым ситуациям. Например, всем природным явлениям, от которых зависел человек и которые были похожи на живые, приписывались души; в отличие от душ людей они иногда назывались духами. Скажем, река движется, дает воду и рыбу, но может разлиться и разрушить жилища; нет сомнений, что она живая и обладает душой. Кстати, тогда понятно и что делать: чтобы река не погубила и дала много рыбы ее духу (душе) нужно принести подарок (жертву), взамен она поможет. Второй способ построения производных схем — создание на основе простых схем более сложных.

Если схема души, как отмечалось выше, позволила разрешить проблемы, связанные с пониманием смерти, болезни, сновидений и т. п. феноменов человека, то

⁴ Термин «архе» означает начало, исток, постоянное возвращение к началу.

схемы архэ давали возможность для более широкого круга осмысления и, главное, для конституирования и функционирования архаической культуры. С их помощью закрепляются социальные практики и занятия архаической культуры, дается объяснение основным явлениям культуры. Они обозначают очень важные для воспроизводства культуры процессы обучения. В схемах архэ кодируются конфликтные ситуации, столкновение племени с индивидом, разрешение конфликтов, опасные или ошибочные действия и поступки. Кроме того, эти схемы выполняют важную роль консолидации племени и умножения его сил. Наконец, схемы архэ используются в особых ритуалах для подтверждения культурной реальности, причем эти ритуалы, например в Тибете, дошли буквально до наших дней. Уникальность культуры задается и конкретным содержанием фундаментальных схем, которое характерно для определенной культуры и отличается от содержания других культур. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить сходные по сюжету мифы разных народов. Стоит отметить, что сами мифы в предлагаемом здесь дискурсе можно истолковать как нарративы, построенные на основе локальных и фундаментальных схем [Розин В. М. 2007].

Итак, существо переходной формы становится архаическим (культурным) человеком только тогда, когда его поведение и деятельность начинают полностью отвечать культурным требованиям (правилам, представлениям, нормам), когда его психика и телесность полностью окультуриваются. Но, конечно, оба эти процесса идут одновременно: архаическая культура сама возникла тогда, когда возник (сложился) архаический человек. Теперь ответим на вопрос, что такое сознание человека. Это такой способ отображения окружающего человека мира (и самого себя), определяющий его поведение и деятельность, который, во-первых, удовлетворяет семиотическому процессу (например, фиксирует, «описывает» только означенные события), во-вторых, удовлетворяет требованиям культуры (т. е. культуросообразен, причем очень важно, что в число культурных представлений должны входить и представления о самом человеке). Другими словами, человеческое сознание — это сознание в языке, сознание культурное и сознание как «самосознание». Наконец, человеческое сознание предполагает и укоренение в телесности. Человек стал человеком, когда семиотический процесс и культурные реалии укоренились («оспособились») в функциях внимания и памяти, в механизмах распределения психической энергии, в работе воображения и представления, когда они стали реализовываться в форме чувственных образов или ментальных операций, в тех или иных телесных (моторных, мимических) движениях человека.

Поскольку в каждой культуре семиотический процесс существенно менялся (что не исключает переосмысленных заимствований из предыдущих культур), менялись и психика, и телесность человека. Заканчивая эту тему, можно уточнить постановку знаменательного вопроса: от кого все-таки произошел человек? Очевидно, подобная постановка вопроса вообще неверная, обусловленная традиционным способом мышления. Если отвечать на этот вопрос буквально, то ответ будет таков: тело человека произошло из тела обезьяны, но человек — это новообразование. Аналогично сами собой возникли культура, древний, античный, средневековый и современный человек.

Правильнее говорить о предпосылках человека культурного: ими были не только находящиеся на определенной стадии эволюции сообщества обезьян, но

также экстремальные обстоятельства жизни, формирование парадоксального поведения, появление вместо сигналов знаков, коммуникации, совместной деятельности с естественными орудиями, наконец, формирование культуры.

Если исходить из предложенной реконструкции, то нужно признать, что тезис о происхождении человека на рубеже 150–200 тысяч лет назад в результате судьбоносных мутаций проясняет только один момент, а именно, что адаптация телесности переходного существа к социальной коммуникации и семиотическому процессу закончилась, вероятно, как раз к указанному периоду. Одновременно этот тезис создает совершенно неправильное представление о том, что человек — это всего лишь биологическое существо (новый вид), с чем невозможно согласиться. Никто не отрицает, что человек и биологический вид, но эта его составляющая всего лишь одна и не главная. Она находится в подчинении человека как семиотического и социального существа, а также как латентной или актуальной личности.

Литература

- Леонтьев А. Н. 1972. Проблемы развития психики. — М., 1972.
Мак-Фарленд Д. 1988. Поведение животных. — М., 1988.
Поршнев Б. Ф. 1974. О начале человеческой истории. — М., 1974
Розин В. М. 2004. Культурология. — М., 2004.
Розин В. М. 2007. Теоретическая и прикладная культурология. — М., 2007.
Розин В. М. 2001. — Семиотические исследования. — М., 2001.
Сетон-Томсон Э. 1983. Рассказы о животных. — М., 1983.
Тарантул В. З. 2003. Геном человека: энциклопедия, написанная четырьмя буквами. — М., 2003.
Тейлор Э. 1939. Первобытная культура. — М., 1939.